

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

Поселок, где я родился, не был удостоен почетных званий и наград. Несмотря на то, что первые упоминания об этом населенном пункте датируются 1770 годом, знаменитым он так и не стал. Единственная его заслуга, по мнению местных жителей, это местонахождение в составе Ленинградской области. Согласно топографической карте 1937 года деревня насчитывала 124 двора, в ней находились сельсовет, почта и школа. С тех пор многое изменилось, деревня получила статус поселка городского типа, появились небольшие магазины, где можно было купить все – от резиновых сапог до буханки хлеба, построили завод керамических изделий. Заработала путевая машинная станция, выполняющая работы по ремонту железнодорожных путей.

Мои родители были простыми людьми, родились и выросли в этом поселке, высшего образования не имели. Любили дома собирать компании друзей, часто выпивали. Мама обожала петь, отец хорошо играл на гитаре. Оба мечтали переехать жить в Ленинград, но дальше разговоров эти мечты никуда не продвинулись. За двойки меня никогда не ругали, но предупредили, что плохой аттестат может испортить дальнейшую жизнь.

Первые испытания случились, когда семья готовилась отпраздновать мои двенадцать лет. Накануне утром отец отправился за продуктами к праздничному столу, но в магазине ему стало плохо, он потерял сознание и упал. Врачи успели лишь констатировать смерть из-за внезапно оторвавшегося тромба. После этой утраты мама больше никогда не пела, компаний избегала, выглядела плохо, часто жаловалась на боли в сердце. Она понимала, что долго не проживет без своего любимого человека, поэтому перед уходом решила устроить мою судьбу.

В поселковой администрации работал ее дальний родственник. Мама попросила подготовить какие-то документы для моего внеконкурсного поступления в Военный (военно-морской политехнический) институт – филиал «Военно-морской академии имени адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова». После сдачи вступительных экзаменов, преодолев все бюрократические препятствия, я стал курсантом. Это означало, что следующие пять лет мне доведется провести в казарме.

Накануне моего зачисления на электротехнический факультет мамы не стало. Родственники помогли мне справиться с этим горем, собрали вещи, посадили на поезд и пообещали присмотреть за квартирой и могилами моих родителей.

Только в поезде я осознал, что теперь сирота. Понимание смысла этого горького слова приносило боль. Меня больше никто нигде не ждал и не тревожился, поел я или нет, одет по погоде или снова забыл дома перчатки. Вдруг я почувствовал, как глаза мои увлажнились, и слезы покатались по щекам. Мне стало стыдно за свою слабость. Незаметно для соседей по купе я смахнул слезы и пообещал себе никогда не раскисать...

Пять лет учебы давались с трудом. Наш класс (взвод) состоял из 25-ти курсантов. Изматывающие физические тренировки, многообразие терминологии, изучение неизвестных ранее наук, военная муштра, огромное количество занятий, бесконечное желание поехать и понимание того, что не принадлежишь сам себе, безудержные мечты вырваться на волю. Курсанты разные по характеру и финансовому положению были вынуждены учиться, жить и видеть друг друга каждый день. Чтобы скрасить однообразные будни, мы старались много острить и подкалывать соседей по парте, но не терпели подлости и предательства. Семей мы не стали, но со временем крепко подружились. Мужской коллектив не прощает слабости, глупости и трусости.

Родители сокурсников часто приносили посылки с домашней снедью. Зная, что ко мне никто не приедет, ребята без налета высокомерия всегда делились со мной своими презентами. Я пытался отказываться, но не мог устоять перед пряниками Санкт-Петербургской кондитерской фабрики, облитыми сахарной глазурью. Они были нежными, вкусными, ароматными, совсем не похожими на коврижки, которые продавали в моем поселковом гастрономе.

Целый год мы смотрели на город через высокий забор своего военного института. Лишь на втором курсе нас стали отпускать в увольнение на выходные дни. Расписав поминутно план своего первого свободного дня, я понял, что не успею его реализовать, и решил сосредоточиться на самом главном – поиске девушки, о которой уже несколько лет мечтал...

Ребята предложили купить пиво, посидеть в парке на лавочке. Пиво я не любил. Пить в общественном месте не хотел: мы были одеты по форме, поэтому могли привлечь внимание патруля, дежурившего в общественных местах. Я решил съездить посетить Исаакиевский собор, где никогда раньше не был. Затем отправился в Летний сад. Там я встретил ту единственную, которую так часто видел во сне.

Девушка сидела на траве под огромным раскидистым дубом и читала книгу, вскоре к ней присоединилась подружка, которая бегала за мороженым. Без особых предисловий я предложил познакомиться. Магия военно-морской формы, которая к тому времени мне уже порядком надоела, сыграла свою роль. Девушки с удовольствием назвали свои имена и предложили пройтись. Ту, что понравилась мне с первого взгляда, звали Анечкой, подружку – Анжеликой. Девушки учились в педагогическом институте, обе приехали из небольших городков и мечтали остаться жить в Санкт-Петербурге навсегда.

Анечка оказалась очень веселой и интересной девушкой. Время с ней пролетело незаметно. Проводив девушек до общежития, я предложил встретиться через неделю на том же месте. Анжела махнула рукой, сказала, что занята, Анна ответила согласием. Мы с Аней стояли недалеко от общежития под высоким тополем и не могли наговориться. Когда расставались, она поцеловала меня в губы. Никогда прежде я не испытывал такого волнения и возбуждения. Так начался наш роман. Когда была возможность, мы встречались у нашего тополя, целовались и мечтали о будущем. Однажды Аня пригласила меня к себе в общежитие. Я не знал, как она смогла договориться с вахтершей, но меня пропустили, не задав лишних вопросов. Не успев закрыть за собой дверь, Аня стала жарко целовать меня. Мне стало неловко, ведь в комнату могла вернуться соседка, но моя страстная возлюбленная шепнула, что Анжела уехала к родне погостить. Наша первая близость привела мою душу в неописуемый восторг. Аня была опытней меня в сексуальных вопросах, но о других мужчинах я расспрашивать не стал. Уходя, своей возлюбленной я предложил стать моей женой. Анечка рассмеялась, сказала, что это будет зависеть от моего поведения. Я ничего не понял, пожал плечами и отправился к себе в казарму. Меня терзало странное чувство, я не увидел в глазах Анны радости и счастья от моего предложения, но воспоминания о страстных ласках и любовной неге подавляли любые сомнения в искренности моей избранницы.

Мои лучшие друзья Андрей и Максим давно заметили перемены в моем поведении и пытались расспросами о той, которая вскружила мне голову, требуя, чтобы я их познакомил. После нескольких месяцев уговоров я все же решился представить невесту лучшим друзьям. Ребята пытались произвести впечатление на Анютку, много шутили, говорили комплименты. Анна охотно шла на контакт, вызывая во мне приступы ревности. Друзей я спровадил и решил больше не совершать подобных ошибок. Свою возлюбленную этим балагурам я больше не показывал.

Несколько месяцев мы с Анной встречались у нее в общежитии. Она расспрашивала о моих родных, об учебе, курсантской жизни, и после откровенных рассказов все больше теряла интерес к нашим встречам. Отсутствие у меня всяких перспектив после окончания училища остаться в Питере окончательно охладило ее отношение ко мне, и она заявила, что хочет расстаться. Поведение Анны показалось нелепым, ведь мы любили друг друга и могли где угодно начать свою жизнь. Она стала обвинять меня во лжи, уверяла, что я нарочно затащил ее в постель. Красивая, нежная и страстная невеста на глазах превратилась в злобную женщину, выкрикивавшую гадости перекошенным ртом. Аня упрекнула меня даже в том, что, зная про ее мечту жить только в культурной столице страны, я специально собирался отвезти ее в какую-то дыру. Спорить было бессмысленно, я оделся и ушел. Друзья сразу обратили внимание на мой угнетенный вид, предложили забыть Аню и сосредоточиться на учебе, поскольку всех впереди ждали серьезные экзамены...

С Анной я больше не виделся. Несколько раз я приходил к нашему тополю, дежурил возле общежития, пытался даже пройти к ней в комнату. Но теперь вахтерша проявляла ранее отсутствовавшее рвение к работе и осуждала мою настойчивость. Я понял, что все кончено, но еще долго не мог выбросить свою любовь из головы.

Перед самым окончанием института и распределением на новое место службы мы попросили нашего старого и мудрого преподавателя поделиться секретом, как быстро продвинуться на службе? Улыбаясь, он ответил: «Ребята, на военной службе, как и в любви, должно повезти!» Учитывая мой печальный любовный опыт, я совсем приуныл.

Единственным везунчиком нашего выпуска оказался Андрей. Он был уроженцем Ленинграда и проживал в квартире с высокими потолками в центре Санкт-Петербурга. Его отец в звании контр-адмирала командовал дивизией атомных подводных лодок на Северном флоте. Он смог устроить так, чтобы его единственный отпрыск остался служить в Северной столице. Остальных выпускников раскидало по всей стране. На выпускном вечере мы пообещали друг другу непременно собираться на годовщины нашего выпуска или «любимого» института, который в шутку называли «желтым монастырем». Желтый соответствовал цвету основного корпуса, где мы жили, а монастырь – образу нашей пятилетней жизни.

Из писем соседки бабы Шуры я узнал, что родственник из поселковой администрации смог приватизировать жилье родителей на себя и лишил меня дома. Учитывая его

активное участие в моей судьбе и помощь в установке памятников родным, судиться, спорить и скандалить я не стал. Перед отъездом к месту службы посетил могилы родителей и отправился служить на Камчатку, которая в начале двухтысячных годов уже не была столь привлекательной для заработков, как в советское время.

Яркое солнце, безоблачное синее небо, каменные исполины, доверху укрытые снегом даже летом, нетронутая первозданная природа поразили меня. Что касается архитектуры зданий тех мест, у меня сложилось впечатление, будто их сразу строили для сноса. Серые унылые жилые «коробки», странная нумерация домов, хаотичное расположение улиц наводили на мысль об алкогольном пристрастии строителей и архитекторов того города, куда я был направлен служить. Но выбирать не приходилось, нужно было приспособливаться и жить дальше.

Англичанам приписывают одну знаменитую поговорку: «Корабельная служба – тяжелая служба, но русские сделали ее невыносимой». Эти слова с лихвой подтвердились. Несколько лет моей жизни были отданы кораблям ВМФ. Поскольку семьи я не имел, то квартиру мне не давали. Свое первое жилье я получил только через пять лет службы на корабле.

У меня появилось много друзей среди сослуживцев. Их жены непременно хотели меня женить на своих подругах. Конечно, я встречался с женщинами, иногда даже думал, что увлечен, но решиться связать свою жизнь узами брака еще долго не спешил. Я мечтал о любви, которая должна была захватить мою душу, и не представлял семейную жизнь с женщиной, о которой не мечтаю. К тому же для создания настоящей семьи я должен был списаться на берег. Но на службе и в любви мне еще долго не везло.

Когда через шесть лет я переаттестовался и перешел служить в погранвойска, то вскоре получил неплохое назначение на должность в пограничном управлении. Сойдя на берег, я надеялся, что непременно встречу ту единственную половинку, которая наконец-то сделает меня счастливым...

Продолжение следует...

Ариша ЗИМА